

Кладбище Звёзд

25-P
7.21

Автор: Жаркова Анастасия

Фэндом: Ориджинал

Жанры: Романтика, Драма, Фантастика, Постапокалиптика, Антиутопия

Размер: Мини

Количество частей: 1

Описание:

«Получалось почему-то так, что они были единственными посвященными в небесный секрет: говорят, где-то на свете бывают кладбища слонов, кладбища выбросившихся на песок китов, кладбища самолетов и кораблей, а они... Они случайно открыли для себя кладбище разбившихся звезд...»

Пушистый синеватый снег, залитый зыбким закатом, ложился под ноги искривленным зеркалом и был настолько твердым, хотя вокруг разливалось и потрескивало всего каких-то минус четыре, что торопливые, чуть раскосые поскальзывающиеся шаги его поверхности не приминали, а, наоборот, отталкивались от той наэлектризованными шариками, мелкими ржавыми пружинками, удивленной пустотой.

Голые деревья, вклеившие в кору сосновые канадские иголки, облепиховые ветки, засушенные гагаровы гнезда и клочья осевших ведьм с альдебарановых пустошей, толкались в отмычки царствующего вокруг Ничего искривленными сучьями; над белизной, догорая фитилем, окруженное голубым сиянием солнце опускалось за марсианский горизонт.

Воздух ныл, что ему холодно, а Саша ликовала: она чувствовала тепло. В её руке хранилось бережное ласковое спасение с подмерзшими синими жилками и единорожьими ворсинками; для неё вечер все еще оставался светел, хоть источник чуждого освещения и обещал вот-вот укатиться в небесный гроб, дорога уходила в бесконечное Далеко.

– Пройдем еще немного дальше? – голос хрипл и растерян, с нотками просьбы и почти мольбы; Саша не привыкла никого умолять и просить, но к нему обращаться иначе больше не умела – боялась хрустнуть лишней веткой, боялась позволить слететь с замеченного сучка.

Птахи-лединники* прыгали с деревьев, разбивались синими головками об озерный лед, оборачивались селки**, келпи и русалами – Саша не могла допустить, чтобы что-нибудь такоестряслось и с её Норром.

– Угу...

Норр никогда не отличался многословностью. Норр вообще предпочитал ничего не говорить, если в том не отыскивалось критической точки детонированного взрыва, а Саша радовалась любой мелочи, любому звуку, любому взгляду и выдоху.

Он говорит, он говорит, боже, и это так великолепно! – все глубже забираясь в свое помешательство, думала она, крепче стискивая застывающие в кости пальцы, и в груди включался огромный такой софит, нелепо просвечивал кишки, показывал синим глазам желудок, напичканный всяким фуфлом, и красное растекающееся сердце: кровоточащее и подписанное маркером из двух танцующих гласных.

– А если ты не успеешь...?

– Успею как-нибудь.

Каждое слово – космическая всевышняя частота, транслируемая на всех возможных волнах в простом двоичном коде; у Норра, когда он выговаривал то, что и так казалось ему очевидным, полосками в глазах провисали заостренные зрачки, у Саши под горлом завинчивался возбужденный зонд.

– Тогда пойдем, – охотно соглашалась она, прибавляя скользкого плавучего шагу.

Хлопья под ногами продолжали играть в стекло, крошились цветками рододендрона и медовой липкой почкой; снег сухой, а все равно намертво приставал к подошвам, забиваясь в щели, будто остатки голубиных позвонков в дырявые зубы. Радиоизлучение марсианского солнца медленно угасало, вентилировал тонкий полувьюжный ветер, из раздувшегося носа все откровеннее текло: Саша своим шмыгала, размазывая свободной рукой застывающие на коже сопли, а Нор, в силу характера редкостной соловьиной розы, только втягивал влагу обратно, стоически делая вид, будто с ним ничего подобного никогда не приключалось.

Вокруг скручивалась клубком невесомость: Саше нравилось запрокидывать голову, смотреть на луну – тревожный желтый цветок в смешном перевернутом цилиндре. Сужать до размеров млечной вселенной зрачки. Морщиться под щекоткой белых лохм, разбросанных по плечам.

Ловить становящиеся морщинами на лице снежные капли, наслаждаться небесным небытием и крепче сжимать в пальцах пойманные черные волосы, отливающие галактической сыростью: грива Норра зимой становилась слегка жесткой, но какой-то особенно приятной, совсем будто длинная шерсть овчарки.

Когда руки коченели вконец, они менялись местами; теперь левая ладонь Саши хваталась за длинные космы, а Норр, делая вид, что ничего не видит и не знает, прихватывал большим и указательным пальцем её рукав, тропливо отворачивая красное лицо.

Между созвездий и туч пролетал, гремя железным крылом, пассажирский «Боинг», и где-то там же снова неторопливо начинало мести.

– Как думаешь... – голосу приходилось хромать, глаза задумчиво глядели на падающие и падающие с небес ошметки: не только пух, но еще и, знаете, звезды. Вернее, то, что от звезд оставалось: падая наземь, они разбивались, оболочка рвалась, брызгами и лужами растекалась внутренняя кровь. Странное место, странное звездное кладбище, земля смерти и разбившейся мечты, а под ногами все пружинило, хлюпало, скрипело; тело, наблюдающее за древним танцем, деревенело. – Снег успеет засыпать их, прежде чем хоть кто-нибудь еще это увидит?

Получалось почему-то так, что они были единственными посвященными в небесный секрет: говорят, где-то на свете бывают кладбища слонов, кладбища выбросившихся на песок китов, кладбища самолетов и кораблей, а они случайно открыли для себя кладбище звезд.

Светящиеся точки, вблизи оказывающиеся такими же маленькими и чахлыми, просто однажды срывались, обрывали все сети, грустно кружились, вертелись; после, набирая частоту и скорость, неслись вниз, где разбивались и угасали уже навсегда...

Правда, земля в этом месте еще с какое-то время пыталась притворяться сплошным пластом ничейного фосфора белесо-земляничных оттенков в сгустках рябиново-ольховой слизи, и зима, пряча сговоренный секрет, теми же вечерами снижала температуру, выбрасывая с рваных пригнанных облаков однодневный шальной снег.

– Плевать. Не знаю я. Даже если и найдут, то не обратят внимания, как будто сама не знаешь... Кому какое дело до звезд, ну?

Он был, конечно, по-своему прав, Саша это признавала, но все равно оставалось как-то... беспокойно. Луна щерила единственный свой глаз, звезды продолжали падать и распадаться, под ногами хлюпало и чавкало, в

изголовье надземного трона пока еще сиял их любимец: Змееносец, космическая точка АС+79 3888.

Кометы продолжали убиваться в калибровке одуревших от тоски дельфинов, шаги увязали в крови и жиже; Саша не знала, что случится, если субстанция с вокзала человеческих снов попадет им на кожу или волосы, но проверять не хотела, поэтому, отпуская гриву, хватала Норра за плечи и бока: отталкивала с траектории смертного падения, отпихивала ногой разбегающиеся останки, пыталась приподнять чужую голову так, чтобы той на глаза не попало лишних потрохов – иногда среди тех все еще пыталось что-то шевелиться и сиять.

Повторяла:

– Аккуратнее, не запачкайся.

Или:

– Сюда. Давай-ка пойдём с тобой вот сюда, Норр.

Снова смотрела на небо, чувствуя себя странной телескопной машинкой марки «Кеплер» – слишком уж близкой и причудливой становилась голограмма раскрывшейся вселенной, – а потом, дуря от треснувшей на губах непроизвольной улыбки, слышала:

– Эй, послушай...

– Что такое?

– Там тоже кто-то ходил. Кто-то... кроме нас.

Телескоп сбойнул, зацадил свечным нутром, неуверенно дребезгнул по ободку стеклом; вдоль холма, нашаренного серыми клоунадными глазами, где коптились разрухи центра дальней космической связи, тянулась тропка, и тропка отнюдь не белая: пока еще буро-пепельная, жонкилевая*** даже, с крошками красных жидких капель и отпечатавшихся в груди смытых веток и листьев следов.

Из носа текло совсем уже нещадно, на языке распускался снег, тропа капала нервозностью на виски, гоняя по спине холодок и угрюмость: они настолько отвыкли общаться с кем-либо, кроме звезд и друг друга, что пятились почти синхронно, невольно стискивая в пальцах застывшие прутиками пальцы.

– Ее почему-то снег засыпать не успел... – в голосе Норра кашляла не то зависть, не то ревность, не то обида, не то просто непонимание и страх. – Почему?

Саша, хоть бы и хотела ответить, сделать этого не могла.

Покосилась на продолжающие убиваться звездные кварталы, квинты и сексты, угадала рушащийся куда-то в Тихий океан американский «вояджер», крепче стиснула подчиненные пальцы, выдавливая только просверленное, недовольное, не желающие ни в чем разбираться и ничего узнавать:

– Понятия не имею. Давай лучше обойдем и свернем где-нибудь в другом месте, ладно?

Норр не возражал: ему и самому не хотелось кого-либо видеть, не хотелось с кем-либо делиться, не хотелось сталкиваться с абстрагированным миром вообще.

На холме, если приглядеться, между темных и лохматых кипарисовых сосен что-то передвигалось, переползало, темнело расплывчатой желчной фигурой, пыталось нацепить окуляр и выследить их обоих посреди звездной крови и рваного снега. Неважно даже, человек или животное, лось или космический спутник в андронидной форме – ни Норр, ни Саша просто не хотели с этим сталкиваться.

К чему лишние знакомства и лишние встречи, когда им и вдвоем было хорошо?

Им вдвоем было лучше, чем смогло бы стать любой другой – живой или уже нет, все равно – твари под покровом земли, покровом неба, покровом сумасшедшего взлета под углом шестидесяти реактивных градусов: у неподготовленных, говорят, разрывает желудок и кишки выползают наружу через раскрытый рот да лопнувшие глаза.

Снег и фонащие останки уводили дальше, полоска леса преследовала с крыла горизонта, вечер уходил по-французски, оставляя за собой слишком много заметок на память; за отброшенной в низину тенью симметричных микросфер, слившихся в созвездие близнецов, Норр, уставший и все-таки теперь совсем белый, остановился, дернул плечом и рукой. Сказал:

– Давай закопаем ее здесь, а то я все-таки опоздаю.

Кивнула Саша на механике выверенных движений, а потом уже сообразила, что кивнула зря: как только закопают – Норр уйдет уже до следующего утра, а отпускать его не хотелось.

Радиолокация Венеры звала, железные маски, железные общественные кружки, передаваемая из губ в губы туберкулезная болезнь: лишний вопрос, когда кто-нибудь из них, наконец, заболит, грызущий за запястья страх.

Саша часто представляла, что они оба переродились в немножечко ином мире, где не случилось на востоке Европы страшной химической

войны, где звезды не посходили с ума, где можно было просто наслаждаться высокой и стройной зимней яростью, в обнимку слушая старые диски Мадонны, но Бог не откликнулся, сон не заканчивался, воздух стелился тяжелым и ядовитым, атмосфера прогорала.

Школы теперь работали по ночам, взрослые ходили на работу в то же время: дневное солнце, поменявшее окрас на голубую сыпь, плавило кожу язвенным погостом, сажало легкие и почки, люди кашляли, теряли зрение и дыхание; бездомная Саша днями прятала Норра в найденном старом бункере, а ночами вынуждена была отпускать – в темненького уже вшили чип, он уже безоговорочно должен был, чтобы хотя бы еще раз проснуться, ходить в эту свою чертову школу, рискуя подцепить ползающую вместе с чужим кашлем заразу.

–А взорвать...? Не будем ее взрывать? – с тихим болезненным скрипом выдавила из самого горла она, крепче хватаясь за потряхиваемую теперь изнутри руку.

– Завтра. Завтра вечером вернемся сюда и взорвем, а пока просто закопаем поглубже, чтобы никто больше не нашел. Если будем доводить до конца сегодня – я уже не успею вовремя.

Прошитые в пойманных чипы сообщали тем и время, и поступающие от государства приказы, и напичканные до последнего звука ложью новости, и ведущие к внутреннему подрыву угрозы – вовсе не беспочвенные, вовсе не для просто так.

Сердце тянуло муторно, истинно мазохистски, но подчиняться его воле Саша не могла: боялась, пугалась рисковать, пугалась перегнуть игру и потерять по собственной халатности то единственное, что теперь у неё было.

– Ладно... Взорвем тогда завтра, – покорно согласилась она, опускаясь на снежные колени и снимая со спины перегруженный рюкзак: школьная собственность Норра, которую она привыкла за него таскать, книги и бумага, одна палка динамита и аккуратно завернутая в полотенце маленькая пойманная звезда: провисла, будто пустой рукав у мальчишки-калеки где-нибудь в подземном переходе.

Для каждой эпохи свои легенды, для каждой обреченности свои мечты: между подростками ходило теперь безосновательное поверье, что, если собрать хотя бы с четыре десятка рухнувших прямо в ладони звезд, отнести их туда, где никто не увидит, и взорвать – добьешься исполнения желания.

Добьешься возможности хоть куда-нибудь, прихватив в ладонь черно-синюю жестковатую гриву, сбежать, пока легкие не прогрызла всеобщая железная проказа.

Со звездами нельзя спать или жить – говорят, за ночь они нафонят так, что наутро снова не проснешься, поэтому находку необходимо уносить подальше от дома, запрягивать поглубже, палить пожарче; у Саши болели пальцы, Норр шикал и кривился, но все равно приходилось рыть, отбрасывая в сторону и снег, и звездные потроха, и твердую мертвую почву, и застывшие в той корни, и алюминиевые останки планетарных рухнувших радаров.

Ямка зарождалась медленно, руки погружались сперва только по запястье, затем, соприкасаясь пальцами, по середину локтя, после – почти уже по плечо.

По ладоням капала кровь, кожа ободралась, но звезда в полотенце опускалась на дно мягко и надежно, грустно позвякивая, пока ее снова в четыре руки зарывали, забрасывали, утрамбовывали, втыкали в снежную кашу заостренный невзрачный осколок, должный хоть немного, почти бесполезно, но облегчить завтрашние поиски: жаль, что звезды взрываются слишком долго, а оставлять их недогоревшими без присмотра нельзя.

– Вот так. Так ведь хорошо, да?

Норр просто кивнул – он не знал, хорошо или не хорошо, под лопаткой болезненно нарывал чип, напоминая: опаздываешь, спартанский серафический мальчик. Опаздываешь.

Саша, привыкшая наблюдать за его лицом острее, чем за перепадами пустившегося по всему миру северного сияния или огненным каметопадом, страшась отыскать на том первые признаки втекшей в кровь болезни, обреченно скривилась, с ненавистью сжала кулаки, осторожно утыкаясь в твердое костлявое плечо горящим среди зимы лбом.

– Я провожу тебя, Норр. Провожу и побуду там, где-нибудь рядом, пока ты ко мне не вернешься. Только...

– Только...?

– Дай мне побыть так еще совсем немного. Еще двадцать секунд, ладно? А потом, обещаю, мы с тобой обязательно успеем. Только дай мне... побыть с тобой... еще...

В лопатках свербело, ныло, напекало – Саша никогда не знала, с какой силой это все происходило, Норр не собирался ей говорить, – но сивогривый все-таки, помявшись, кивнул: пусть. Пусть...

Ему и самому хотелось побыть так чуть-чуть.

Хотя бы еще совсем капельку, спасаясь от давящего и давящего ощущения, утаскивающего на невозвратное дно затопленного батискафа.

...На следующий вечер, опоясанный марсианским посиневшим закатом, пойманной звезды, к которой они, сбившись в бессилье и кровь, вернулись, уже не существовало: осталась недоступна, невидима, паленым хвостом в шаровом скоплении M13.

Указующий осколок вынулся, следы примяли выбеленный наст, красная тропа посторонних ног отлучилась от взгорья и сосен, следуя по пятам за следами другими.

На холме, обогнутом стороной, вновь копошилось, ползало, глядело сквозь окуляр, прячась во влажной минусовой подстилке.

Охота начиналась снова, счет с двумя подорванными звездами за три последних года резал в позвонке, голова кружилась, губы сжимались, синее солнце спускалось ближе, принося очередной мертвый закат...

На кладбище самоубившихся звезд продолжал валить мокрый скрипучий снег.

Комментарии:

* *Лединник*— прежде так называли зимородков

** *Селки*— морские оборотни: укутываются в тюленью шубку и становятся, собственно, тюленем сами

*** *Жонкилевый*— грязно-желтый, нарциссовый